

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Он появился на аллею весной, в ту волшебную пору, когда наши власти, будто ужаленные трудолюбивой ранней пчелой, начинали усиленно бороться за чистоту собственного города. Отряды рыже кафтаных и приобретаемое к труду вольное студенчество метут с утра до вечера прошлогодние листья и мусор, сдают ящиками посуду, заботливо обрезают деревья, придавая кронам ухоженный вид, привозят жирный чернозем и старательно разравнивают его граблями, в заветных местах снимают с клумб лапник, высаживают новые цветы и красят повсюду низенькие заборчики в зеленый цвет, навевающий летние мысли.

Фонарь водрузили у аллею в парке, в тридцати метрах от своего собрата, так что не перемигнешься и кабель для общения не дернешь, порвать можно: надежно закопан под землей. Днем свет не горел, и Фонарь спал, не обращая внимания на все, что творилось внизу и только ближе к вечеру, когда прозрачный воздух начинал заволакиваться зыбкой сероватой дымкой сумерек, его сон смахивал прохладный ветерок. Четко срабатывала автоматика, и вся аллею озарялась светом одновременно зажигаемых ламп.

В этот сумеречный час, после трудового дня, на прогулку вприпрыжку выбегали собачники со своими четвероногими питомцами. Тузики, полканы, альмы, атосы, крапчатые, дымчатые, трехцветные, черные, белые, лысые, кудлато-лохматые вертлявые, пронырливые и, наоборот, степенные, осанистые разнообразных пород, носом или лбом помогающие хозяевам быстрее открыть тяжелые двери подъездов, торопясь раз-

мать занемевшее в бездействии и духоте целого дня тело. Они то по очереди, то в унисон оглашали восторженно залиvistым лаем этот необычайный манящий мир запахов и звуков. Новенький, еще пахнувший металлом и свежей краской Фонарь успел возненавидеть это лающее, слюняво-сикающее племя, с редкой шепетильностью, достойной иного применения, метившее границы своих владений.

Слева от Светильника, на недавно поставленной деревянной скамеечке, часто сидела парочка аккуратно одетых старичков, чей говор доносился до плафона тихим шепотком. Неделью спустя старушка пришла посидеть сюда одна. Ей не с кем было поделиться, и она заговорила с Фонарем, как с давним приятелем, поверяя ему свои семейные тайны:

— Вот видишь, дружок, я сегодня одна,— с мягкой грустью произнесла она. Веня мой в больнице. Сердечный приступ у него. Скорая приезжала. Два доктора — здоровых бугая, словно со скотобойни, денег просили, чтобы в ближнюю больницу мужа определить, а не в дальнюю, к черту на рога. Никакого уважения к возрасту! А где они у меня, деньги-то? Хорошо сосед участковый во время подключился, он ко мне за советом приходил. Правильный, честный человек, дай Бог ему и всей семье его здоровья, вмешался, поспособствовал, не оплатила я им ни копейки. Бугаи, озлясь, с кривыми физиономиями так в машине и ехали молчком до больницы.

Уличный фонарь, качнув плафоном, одобрительно скрипнул. Старушка, переведя дыхание, продолжила:

— Почти месяц ему лежать там придется, пока курс лечения не закончится. Насмотрится на чужое горе-беду, наслушается людских историй. Он у меня чувствительный, поэтому сердцем и болеет. Верись ли, стихи со слезами на глазах читает. Вчера навещала его. Чистота, ничего не скажешь, медперсонал старается. Поесть ему принесла. Ведь больничная еда-то на копейки в день, взрослому мужику голодно, ноги протянешь. И дальше, как бы отвечая на предполагаемый вопрос молчаливого собеседника, что это она одна крутится, есть ли дети, старушка сказала:

— Старшенькая наша, Настасьюшка, иностранца обаять сумела и замуж за него вышла, а ведь по-ихнему ничего, только «здрасте» да «до свиданья». Она на фирме у него работала, так — «прими, подай». Теперь в своей Америке третьего ребеночка рожают. Сынок мой, младшенький, поздний, Николенька, сутками работает. Устает очень, но за место держится. Да и, к слову сказать, кому теперь не шибко образованные нужны.

Университетов он не кончал, с детства слаб здоровьем, да и с ленцой, малый не любознательный, вот хлебает пролетарскую долю полной мерой. Денег платят не густо, семью заводить не на что. Так гуляет, в гости ходит, может, когда и заночует в чужом доме, потом-то все равно домой к матери приходит. Барышни теперь, сам знаешь, расфуфыренные, им чего импортного подавай. А душа, его душа-то, на что им она, коли достаточного материального содержания не имеется...

Фонарь звякнул плафоном от внезапного порыва ветра. Старушка спохватилась:

— Заболталась я тут с тобой, свет мой ясный, а мне ведь морсик делать, да котлеты крутить благоверному к завтраму надо. Душу отвела и спасибо. Может, когда свидимся.— С этими словами она встала и, кряхтя, поплелась до дому.

На плафон фонаря деловито села ворона в надежде согреться в этот промозглый весенний вечер, но, не выдержав и минуты, как ошпаренная с криком полным негодования, с взъерошенными перьями улетела прочь. Какая-то тетка, из породы неутомимых, попыталась наклеить на фонарный столб объявление, да и не смогла, клей забастовал, не захотел клеить. Вот еще, взяли моду всякую всячину на улицу выносить, на суд обществу, понимаешь. И не стыдно: «Продается дорого...» В наше время дорого!?! Да кто купит дорого-то? У народа денег нет, а когда были, тогда и сплыли. Умыкнули их денежные реформы дорогого государства, сгнули они в раздутых Чаровыхчакрах, подхватили их нефтяные реки Гермеса да Ренако, попали они в бурный поток проезжающих мимо, в сторону горизонта, блестящих новой краской, властелиновых «лад». Растворились денежки в плотных телесах братцев Мавродцев, в сиюминутных банках и фирмочках, коим несть числа по всей России, рожденных для околпачивания легковых людей. Сейчас некоторые управляющие этих банков и горе-компаний либо в розыске, либо на государственной жилплощади коммунальных квартир ютятся под надзором, по специальной диете питаются, а дензнаки тю-тю, исчезли, как корова языком слизала. В нашей стране отчего-то деньги не имеют привычку долго задерживаться у людей: то не дремлющая власть-затейница девальвации устраивает — обрезание нулей, то инфляцию в виде удорожания всего мыслимого съедобного и несъедобного, а также услуг-заслуг коммунального сектора, или просто разовый черненький вторничек для поддержания формы кошелька «особо страждущих».

Нетвердой походкой подошел к скамье еще не старый, интеллигент-

ного вида мужчина, с расстегнутым воротом рубахи. В руке он держал открытую флягу, к которой периодически прикладывался. Видно было, как трудно ему удержать обиженную душу, желающую поделиться своим горем со всем миром. Но, не найдя по близости собеседника, прохожий, зацепившись за столб фонаря, начал изливать ему боль:

— Ушла, стерва!— сказал он про жену.— К Сашке ушла. И чего ей не хватало: квартира есть, машина есть, на курорт каждый год ее возят, одета как королева. А что детей нет, так сама виновата. Для себя хотела пожить, поэтому и на аборты бегала. И правильно маманя, покойница, мне говорила, да я дурак молодой — не слушал ее, что не доведет до добра эта любовь. Не пара тебе эта свистушка и стрикулистка. В голове у нее ветер и никакой основательности в жизни. Ах, маманя, прости, давно не навещал. Оградку надо бы поправить, покрасить, участок почистить, да глазки анютины посадить. Жена бы все сама сделала...

Фонарь с удивлением и недоверием мигнул. А мужчина продолжил бубнить:

— Да, встречался я с одной, ну и что? Так если каждое утро до самой серебряной свадьбы спрашивать: «Кофею будешь?» и упрекать, что я безрукий, а хозяйство наше в разоре, что все на ней висит: и дом с сантехникой и светом, и дача с копкой, прополкой. Не из угла же в угол ей слоняться, безработной.

Слегка успокоив себя общением с безмолвным Светильником и запив горький осадок от своих переживаний оставшимся спиртным, запинаясь, нога за ногу, интеллигент сиротливо побрел домой.

Боязливо озираясь по сторонам, чтобы не столкнуться нос к носу с какой-либо знакомой личностью, на скамью присела влюбленная парочка средних лет. Он долго клялся ей в любви театрально-прочувствованным голосом, с блестящими от слез глазами, целовал ее в нос, щеки и, наконец, губы. Она обиженно смотрела вдаль и гордо молчала, потом зябко передернула плечами, подула на руки и встала с намерением уйти. В довершение к тому, как бы подгоняя джентльмена с окончательным решением, на другом конце аллейки начался нарочито громкий разговор с употреблением не нормативной лексики. Парочка, решив не испытывать судьбу, упорхнула. Плафон качнулся и осветил стайку юнцов «под парами», с остатками «горючего» в руках. Увидев скамейку, компания бросилась занимать места. Шустрая, долговязая, угрястая деваха с распущенными волосами цвета свежей морковки, точь-в-точь как в рекламе заграничного шампуня, встала у фонарного столба, изображая из

себя порнозвезду. Компания одобрительно загыкала и дружно заоплодировала. Закурили, смачно плюясь и матерясь не к месту, а так, для связи слов в предложении. От скуки попытались подраться, но раж куда-то улетучился, дополнительный алкоголь, расслабил всех и объединил, отчего-то стало лень метельить руками попусту. Чья-то «сметливая» голова придумала соревнование на меткость — кто сумеет бутылкой разбить лампу фонаря. Вскоре округа огласилась жалобным звоном обреченной. Так с третьей попытки не очень меткого стрелка Фонарь надолго ослеп, и ему стало совершенно безразлично происходящее внизу.

Веселая компания, воя что-то реповое, удалилась за новыми приключениями. А бедный островок весеннего парка, изгаженный осколками битых бутылок, докуренными до фильтра сигаретами, плевками и невесть откуда взявшимися скомканными серебряными шариками фантиков, остался без такого уютного, словно домашнего торшера, мягкого света уличного Фонаря...

РАКУШКА

Благодатное тепло еще щедро струилось в атмосферу, но лето уже уходило. Это было заметно лишь наметанному взгляду старожил. Жухлые листья пальм и поникшая придорожная зелень, прохлада, сменявшая удушливый ночной зной, случайные проливные дожди. Наступил сезон муссонов, и целая эскадра парусников вольготно чувствовала себя в открытом море. Чайки, похожие на кур, чинно бродили по берегу, разминая конечности, но вдруг, как по команде, услышав гудок парохода, «снялись с якоря».

Девушка двигалась медленно, будто плыла. Изредка она останавливалась и глубоко вдыхала морской, пьянящий свежестью, воздух. Маленькие ступни продавливали мокрый песок, оставляя четкие ровные следы. Неугомонный ветер нервно перебирал русые волосы, то закручивая, то раскручивая, то беспомощно роняя пушистые легкие пряди на загорелые плечи.

Отлив. Море горестно вздыхало, словно огромное потревоженное животное. Время от времени, слегка пенясь, волна швыряла на берег гальку и мелкие домики-ракушки без обитателей. Спустя секунду, оно, спохватясь, «жадничая», вырывало из рук и тащило обратно свои «подарки».

Девушка собирала небольшие, обточенные кусочки раковин, напомиравшие костяные пуговицы без дырочек. Ей непременно хотелось смастерить что-нибудь своими руками на память о море. Набрав морских даров, она еле сомкнула пальцы в кулак.

Вдруг гуляющая увидела странную ракушку. Величиной со среднее яблоко, круглая, нежно розовая изнутри, покрытая снаружи красным крапом, окруженная светящимся ореолом, она производила впечатление диковинной лампы, и потому была видна издалека.

Девушка, как замороженная, бережно взяла в руки ракушку, отошла от воды и приложила находку к уху, ожидая услышать шум прибора. Но владелицу необычайной находки буквально окутала неземная, незнакомая музыка. Девушка оглянулась узнать, чья это изысканная шутка. Но пустынный берег не помог разгадать загадку.

Она снова приложила ракушку к уху, и музыка заставила ее затрепетать от восторга. Потом показалось, что мелодичное звучание неведомых инструментов, убаюкивает.

«Мистика какая-то! В наш век прогресса таких чудес не бывает! Может, ракушка-мутантка?»— подумала девушка и направилась в город. «Отчего же не бывает»,— кто-то чужой будто журчал в ее голове. «Наверно, перегрелась и тихо схожу с ума»,— обеспокоено подумала девушка. «Нет,— продолжала неведомая ей собеседница,— это говорю с тобой я, твое хорошее несбывшееся желание, загаданное на падавшую звезду. Меня приютило море и, превратив в музыкальную целебную ракушку, долго хранило в своих прохладных объятьях, чтобы мудрость и доброта настаивались во мне, как вино».

«Скажи, а что происходит со звездами, на которые люди загадывают злые, несправедливые желания?»

«Незавидна их судьба,— снова зажурчала раковина.— Звезды те падают на землю, в море, создавая ураганы, смерчи, тайфуны, землетрясения по принципу цепной реакции. Помни, дитя, даже маленькое зло, многократно отражаясь, дробясь в каждой капле воды, способно принести миру неисчислимые беды!»

